

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 289 – 294.

УДК 81'1:811.161.2'271:61

ЖАНР ОТКАЗА В УСЛОВИЯХ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

(на материале произведений писателей-врачей)

Е. А. Пономаренко

*Крымский государственный медицинский университет
им. С. И. Георгиевского, г. Симферополь*

В статье рассматриваются структурные особенности речевого жанра «отказ» на материале произведений писателей-врачей (Ю. З. Крелина, Н. М. Амосова, Ф. Г. Углова).

Ключевые слова: речевой жанр, отказ, коммуникативная ситуация.

Постановка проблемы. В последнее время в отечественной лингвистике наблюдается стойкий интерес к изучению речевых жанров (РЖ), которые понимаются как «вербальное отражение интеракции, социально-коммуникативного взаимодействия индивидов» [7, с. 10]. Этот интерес обусловлен тем, что речевые жанры представляются как один из наиболее эффективных объясняющих механизмов при рассмотрении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи.

Обзор научной литературы свидетельствует о том, что теория речевых жанров (ТРЖ) активно развивается и совершенствуется. Успешно осуществляется описание и систематизация речевых жанров, разрабатывается специальный мета-язык, исследуются различные аспекты речевых жанров: текстовые особенности (М. С. Матвеева, Ю. А. Федосюк, Е. И. Селиванова и др.), стилистические аспекты (М. Н. Кожина, В. А. Салимовский); речевые жанры изучаются с позиции речевых актов (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицка, В. В. Дементьев, Е. А. Шмелева, Ф. С. Бацевич), концептосферы и языковой картины мира (А. Г. Баранов, Н. Ф. Алефиренко), психолингвистики (К. Ф. Седов), концепции ролевого поведения (К. А. Долинин). Несмотря на значительные достижения лингвистов, в ТРЖ остаются некоторые нерешенные вопросы о закономерностях жанровой организации речи, связанные с общими законами коммуникативной и некоммуникативной деятельности.

Цель работы — проанализировать структуру РЖ *отказа* с позиций лингво-прагматического подхода, в рамках которого предполагается решить следующие **задачи**: представить данный РЖ в диалогическом контексте коммуникативной ситуации; определить стратегическую задачу РЖ; охарактеризовать особенности употребления языковых единиц, формирующих образы адресанта и адресата; назвать факторы, объясняющие взаимодействие речевых жанров в системе речевой цепи.

Материалом исследования послужили художественные произведения писателей-врачей советской эпохи (Ю. З. Крелина, Н. М. Амосова, Ф. Г. Углова).

В «Словообразовательном словаре современного русского языка» под редакцией А. Н. Тихонова отмечается, что существительное *отказ* является производным от глаголов *отказать* или *отказаться*. В современных толковых словарях каждый из представленных глаголов подается со своим набором значений: «*Отказать* — 1. Ответить отрицательно на просьбу, требование. 2. Уволить кого-нибудь с работы, устранить (устар.). 3. Не признать чего-нибудь за кем-нибудь, лишить чего-нибудь. 4. Отдать по завещанию (устар.). 5. Перестать действовать вследствие порчи, неисправности» [8, с. 587]. «*Отказаться* — 1. Выразить свое несогласие, нежелание делать что-нибудь. 2. Не принять, отвергнуть что-нибудь. 3. Перестать признавать связь, родство с кем-нибудь, отречься. 4. Не признавать своим, себе принадлежащим. 5. Перестать действовать» [8, с. 588].

Изучая прагматические особенности речевого жанра *отказа*, В. М. Боброва, а вслед за ней О. В. Бычихина обращаются к семантике глагола *отказаться*. Они полагают, что «*отказ* обслуживает речевую ситуацию несогласия и может быть квалифицирован как жанр негативной реакции, не способствующей хранению коммуникативного равновесия, а в некоторых случаях прямо ведущий к разрыву коммуникации» [2, с. 62]; «В толковании семантики глагола *отказаться* есть указание на одну из сфер функционирования РЖ — речевую ситуацию несогласия: *отказаться* — выразить свое несогласие. Отказ функционирует чаще всего как негативный для получателя, коммуникативно-неоправданный, категоричный речевой жанр» [3, с. 32]. Из предъявленных толкований и научных обоснований очевидно, что анализируемые глаголы имеют некоторые разночтения в лексическом значении. Так, лексема *отказать* в первом случае семантизируется: «1. Ответить отрицательно на просьбу, требование», а глагол *отказаться* трактуется как «1. Выразить свое несогласие, нежелание делать что-нибудь» [8, с. 588], причем проведенный компонентный анализ выявляет дополнительную сему *воли, осознанности*. Предполагается, что, принимая решение *об отказе*, субъект сначала обдумывает свое намерение, а затем прибегает к выражению отказа. Таким образом, ссылаясь на лексикографический опыт, представляется возможным говорить о двух семантических типах *отказа*.

В нашем материале представлены факты, согласно которым *отказ 1* вызван объективным положением дел, не зависящим от воли говорящего, когда адресант отрицательно (вербально или невербально) реагирует на реплику-стимул, выражающую просьбу или требование. Например: — *Михаил Иванович, я, конечно, понимаю, что вы очень заняты, но, знаете, операция опасна... я вас очень прошу, очень, чтобы вы сами... Я все сделаю... — Извините, но я не могу. Я вынужден делать более сложные операции, а такие делают мои помощники. Я назначаю вам хорошего хирурга. До свиданья* (Амосов, Мысли и сердце).

Отказ 2 предполагает заявление говорящего о невыполнении им определенных предписываемых действий, которые он, с его точки зрения, не должен, не может или не обязан выполнять. Например: — *Отнимать руку нужно, товарищ. Главные жилы перебиты. — Что вы, доктор! Куда я без руки! На бабины хлеба?* (Амосов, ППГ-2266).

В рамках данной работы предполагается рассмотреть особенности реализации речевого жанра *отказа* 1.

Стратегической задачей речевого жанра *отказа* представляется невозможность или нежелание говорящего (доктора, пациента) ввиду определенных обстоятельств выполнить какое-либо действие или медицинское предписание.

В исследуемом РЖ в роли говорящего выступает врач, который в силу экстралингвистических причин отказывает пациенту в медицинской помощи. Во время речевого взаимодействия в условиях необходимости оперативного лечения или при оказании экстренной медицинской помощи адресант использует модальные модификаторы возможности в совокупности с отрицательной частицей *не*: модальные глаголы *мочь*, *уметь*, употребляющиеся самостоятельно, а также в качестве вспомогательной части составного глагольного сказуемого (*не могу помочь*). Основное значение, выражаемое глаголами данной группы, — «невозможность, неспособность, неумение выполнить предписываемое говорящему действие». Достаточно часто модальные выразители отказа сопровождаются этикетными средствами (формулами благодарности, извинения и сожаления) — показателями вежливости, которые свидетельствует о тактичности говорящего, о стремлении его к неконфликтному ведению коммуникации. Например: — *Михаил Иванович, я, конечно, понимаю, что вы очень заняты, но, знаете, операция опасна... я вас очень прошу, очень, чтобы вы сами... Я все сделаю... — Извините, но я не могу. Я вынужден делать более сложные операции, а такие делают мои помощники. Я назначу вам хорошего хирурга. До свидания* (Амосов, Мысли и сердце); — *Михаил Иванович, ну подождите хотя бы с неделку! Я вас умоляю. — Не могу. Извините, пожалуйста, мне нужно идти* (Амосов, Мысли и сердце). — *Но, пожалуйста, доктор, подумайте и о нас. Мы два старика, через ночь ездим в больницу и обратно. Я понимаю врачей «неотложки», вот так вот. Но нас кто-нибудь тоже должен понять; — К сожалению, ничем не могу вам помочь. Обратитесь утром к нашему начальству. Может быть, вам помогут. А у меня таких полномочий нет* (Крелин, От мира сего).

Отказ адресанта (доктора) от профессиональных действий чаще всего осуществляется косвенно. Косвенное выражение *отказа* продиктовано стремлением говорящего сохранить заданные в процессе общения конвенциональные отношения. «Любая косвенность предполагает намек со стороны говорящего, который должен быть услышан и интерпретирован адресатом. При этом косвенные механизмы высказывания активизируют в реципиенте логические механизмы восприятия, остальные разновидности — ассоциативные <...> используя различные варианты косвенного высказывания-отказа, говорящий предполагает, что собственно отказ, скрытый за ними, станет ясен собеседнику, исходя из фоновых знаний последнего, как языковых, так и неязыковых, а также из общих способностей разумного рассуждения, подразумеваемых говорящим субъектом у слушающего [6, с. 92]. Наш материал содержит фрагменты, в которых речевой жанр *отказа* может быть представлен с помощью языковых средств, обслуживающих речевой жанр аргументации. В данном случае последний включает в себя несколько речевых актов:

1) *Старушка осталась в комнате, а они вышли разговаривать в коридор. — Вы поймите, что класть в больницу бессмысленно. Единственно возможное лечение — операция. А оперировать ее нельзя. Что ж класть — место только занимать. Нам же не разрешат* (Крелин, От мира сего);

2) — *Но как же нам быть?! Хоть на время положите, вот так. А то ведь «неотложка» уже отказывается выезжать. А я на девятом десятке уже не могу научиться уколы делать. — Это нецелесообразно. Мы зайдем место, а если надо будет положить человека, которому можно сделать операцию, — не сумеем, не будет места. Мы ж должны заботиться о нашем деле* (Крелин, От мира сего).

В первом случае, употребляя императивную форму вежливости, говорящий пытается мягко *убедить* адресата в нецелесообразности намеченных действий (класть в больницу бессмысленно). Затем он привлекает логические доводы, манифестирующие причину, вследствие которой адресат должен изменить свое намерение (госпитализировать больную жену). Отказывая в просьбе слушающему, адресант (врач) использует ряд синтаксических конструкций, организованных на основе причинно-следственных связей.

Во втором примере также представлен аргументированный *отказ*. Однако в этом случае говорящий для реализации перлокутивного эффекта употребляет эвфемизм врачебной этики *нецелесообразно*, под которым подразумевается *не нужно*. После этого он выдвигает логические доводы, включая в свою речь синтаксические конструкции со значением условия.

В ситуациях особой сложности, когда прогнозируется угроза жизни пациента, адресант (доктор) нередко осуществляет *отказ* от предстоящей медицинской манипуляции путем *убеждения*, которое, по мнению М. Я. Гловинской, «направлено на разум человека» [4, с. 130]. Например: — *Хуже не будет, — ответил Тропин. — Если умру, мучениям конец. А так чего ждать? — Михаил Иванович, операция на пищеводе сверхопасная. Она еще в хирургии не отработана. Ни у кого нет опыта. Вряд ли следует идти на такой риск. Я обязан сказать: почти никакой надежды, что удастся сохранить вам жизнь.* (Углов, Сердце хирурга). Отказ, представляющий собой аргументированное убеждение, ориентирован на изменение решения адресата отклонить свое намерение сделать операцию. Подбирая необходимые аргументы, адресант уверяет слушающего в бессмысленности проведения лечения. В этой ситуации говорящий употребляет качественное прилагательное *сверхопасная*, которое дает отрицательную оценку предстоящей операции; для усиления категоричности отказа использует отрицательные частицы (*ни у кого нет опыта*), а также строит высказывание посредством использования логически связанных между собой синтаксических конструкций.

Использование в речи докторов преимущественно косвенных форм выражения *отказа* свидетельствует о стремлении врача к сохранению конвенциональных отношений, а также к смягченному, бесконфликтному ведению коммуникации.

Речевой жанр *отказа* рассматривается нами как РЖ реактивного регистра речи, вызываемый репликами директивного или комиссивного типа. Как правило,

он появляется после речевого жанра *просьбы* или *приказа*, а за последним следует *убеждение*, *аргументация* или *мольба*. Например: — *Хуже не будет*, — *ответил Тропин*. — *Если умру, мучениям конец. А так чего ждать?* → (**аргументированный отказ**) — *Михаил Иванович, операция на пищеводе сверхопасная. Она еще в хирургии не отработана. Ни у кого нет опыта. Бряд ли следует идти на такой риск. Я обязан сказать: почти никакой надежды, что удастся сохранить вам жизнь* → (**аргументированное упрашивание**) — *Пусть*, — *отозвался он*. — *Вы сказали: «почти»... Есть хоть один процент из ста в мою пользу. Делайте!.. Даже если нет никакого «почти», все равно согласен. Буду надеяться на чудо. А без операции мрак впереди. Пустота. Муки. Сколько-то дней и... вечная тебе память, Михаил Иванович... Не так ли, доктор?* (Углов, Сердце хирурга).

Как известно, способы языкового выражения *отказа* различаются как у различных народов, социальных групп, так и у одного и того же человека в зависимости от речевой ситуации. Следовательно, представления об отказе «личностны и социальны с одной стороны, национально специфичны и общечеловечны — с другой» [1, с. 227]. Так, в художественных текстах советского времени следование РЖ *отказа* за речевым жанром *просьбы* вызвано преимущественно социальными причинами, к которым относятся статусные и ролевые характеристики говорящего и адресата. Анализ нашего материала позволяет отметить, что в большинстве случаев РЖ *отказа* ориентирован на просьбу, исходящую от говорящего (пациента) преклонного возраста. Как известно, в советское время медицинское обслуживание осуществлялось при первой необходимости и на бесплатной основе, т. е. врачебную помощь мог получить каждый нуждающийся независимо от возраста и социального статуса. Однако в преимущественном положении все же находились молодые люди, поскольку ответственность за жизнь таких пациентов представлялась более серьезной. Кроме того, отставание в развитии отечественной медицинской науки (изношенность технического оборудования, недостаточное овладение прогрессивными методиками лечения) влекло за собой ситуации сбоев в лечебном процессе, а вследствие этого и в коммуникации. Поэтому врачи в результате своей временной некомпетентности могли иногда отказать пациенту в получении медицинской помощи. В свою очередь, отчаявшиеся пациенты прибегали к повторным просьбам, упрашиваниям или мольбам.

К факторам, объясняющим частое следование *отказа* за *просьбой*, некоторые исследователи (О. В. Бычихина, А. Вежица, А. А. Зализняк, Н. И. Формановская и др.) относят когнитивные аспекты антропоцентрической парадигмы. По мнению ученых, любая вербально выраженная *просьба* содержит вероятность *отказа*, что обусловлено «особым типом русской ментальности: в сознании говорящих утвердилось представление о том, что просить рискованно, порой унижительно (непреренно получишь отказ)» [3, с. 159]. А. А. Зализняк, рассматривая семантику глагола *просить* и сравнивая ее с семантикой английского глагола *to ask*, заявляет, что «просящий неизбежно оказывается в положении просителя, т. е. в положении несколько униженном, просьба — это обращение снизу вверх. Тем самым просьба — это всегда просьба об одолжении. Всегда можно ожидать отказ» [5, с. 283]. Поэтому речевой жанр *отказа*, функционирующий чаще всего в качестве ответной

реакции на определенные стимулы (просьбу, приказ, требование), включается в континуум речевых жанров, организованный под влиянием, в основном, факторов экстралингвистической действительности.

Выводы. Таким образом, речевой жанр *отказа* представляется нам частотным речевым жанром, который может быть охарактеризован как реакция на соответствующий стимул. При этом речевой жанр *отказа* выражается как эксплицитным, так и имплицитным способом.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — Т. 2. — 757 с.
2. Боброва В. М. Отказ и возражение как жанры негативной реакции / В. М. Боброва // Семантические и прагматические аспекты высказывания. — Новосибирск, 1991. — С. 61 – 65.
3. Бычихина О. В. Высказывания со значением отказа. Семантико-прагматический и когнитивный аспекты [Электронный ресурс] / О. В. Бычихина. — Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss/05/0096/050096015.pdf>
4. Гловинская М. Я. Русские речевые акты и вид глагола / М. Я. Гловинская // Логический анализ языка. Модели действия. — М.: Наука, 1992. — 166 с.
5. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
6. Орлова Н. В. Косвенность как черта языковой картины мира / Н. В. Орлова // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. — Барнаул, 1999. — С. 92 – 94.
7. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — М.: Лабиринт, 2007. — 320 с.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова; РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — М., 2008: ИЦ «Азбуковник». — 1175 с.

Пономаренко О. А. Жанр відмови під час мовленнєвого спілкування лікаря та пацієнта (на матеріалі творів письменників-лікарів).

В статті розглядаються структурні особливості мовленнєвого жанру «відмови» на матеріалі творів письменників-лікарів (Ю. З. Креліна, М. М. Амосова, Ф. Г. Углова).

Ключові слова: мовленнєвий жанр, відмова, комунікативна ситуація.

Ponomarenko E. A. Genre of refusal in communication of doctor and patient (on the based of works by writers-doctors).

In the article the structural peculiarities of the genre of refusal are studied on the based on works by writers-doctors (Krelin, N. Amosov, F. Uglov).

Key words: the genre, refusal, communicative situation.

Статья поступила в редакцию 29 октября 2010 г.